

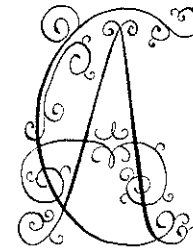
Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям

Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский Альманах

2010

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2011

- внешних сношений ЦК ВКП(б)–КПСС. В 1952–1953 и с июля 1955 г. член Президиума (Политбюро) ЦК, в 1947–1982 гг. секретарь ЦК КПСС.
- 73 Керзон Джордж Натаниел (1859–1925) — в 1919–1924 гг. министр иностранных дел Великобритании. «Линия Керзона» — условное наименование линии, которая была рекомендована в декабре 1919 г. верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. С некоторыми изменениями в пользу Польши была положена в основу советско-польского договора о границе от 16 августа 1945 г.
- 74 В мемуарах Мичуновича «Тито и Кардель» заменены на «мы» (*Mičunović V. Moskvske godine 1956/1958. S. 162*).
- 75 В мемуарах была добавлена следующая характеристика высказывания Маленкова: «как будто интервенция проводится по конституции!» (*Mičunović V. Moskvske godine 1956/1958. S. 162*).
- 76 В книжной версии Ранкович был заменен на «кто-то» (*Mičunović V. Moskvske godine 1956/1958. S. 163*).
- 77 Насер Гамаль Абдель (1918–1970). В 1953–1956 гг. — премьер-министр и военный губернатор Египта. С 1956 г. — главнокомандующий вооруженными силами Египта. В 1956–1958 гг. президент Египта.

Edemsky A. B.

Tracing the Steps of Secret Consultations
in Bryony on November 2–3, 1956

It is the first publication in Russian of the most complete variant of writing of the negotiations of Soviet and Yugoslavian leaders before the repeated Soviet intervention to Hungary (November 4, 1956). The writing was made by the Ambassador of the U.S.S.R. in the F.P.R.Yu. V. Michunovich. The author of the publication shows the differences from the well-known version by the same V. Michunovich presented in his memoirs.

Key words: *J. Broz Tito, N. S. Khrushchev, G. M. Malenkov, Soviet-Yugoslavian relations, Hungarian revolution, 1956, intervention, Socialism, Communism.*

К. А. Кочегаров
(Москва)

Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович
в 1679–1680 гг.

(Заметка в связи с выходом очередного тома
«Дневника» П. Гордона)

Приводятся дополнительные сведения, касающиеся взаимоотношений П. Гордона с украинским гетманом И. Самойловичем и службы шотландского офицера в Киеве.

Ключевые слова: *Патрик Гордон, Иван Самойлович, Киев, Османская империя.*

Дневник Патрика Гордона, шотландского дворянина на русской службе, — один из ценнейших источников по истории России последней четверти XVII в. Среди записок других иностранцев он выделяется обширностью информации, хорошим знанием России, ее внутри- и внешнеполитической жизни. Это не удивительно, ведь П. Гордон, в отличие от многих писавших о нашей стране зарубежных дипломатов, купцов и путешественников, длительное время прослужил в русской армии, будучи непосредственным участником многих важнейших событий отечественной истории. Дневник приобретает особую значимость для исследователя и в свете того факта, что образцы мемуарной и дневниковой литературы в то время были большой редкостью в России. Вполне объяснимо, что дневник «русского шотландца» привлек внимание историков уже в XVIII в., неизменно обращавшихся к нему и в XIX ст. и позднее. Парадоксально при этом, что до недавнего времени научный перевод «Дневника» на русский язык отсутствовал, а наиболее полным было немецкоязычное издание, выполненное полтора столетия назад¹.

В связи с этим значение начатой Д. Г. Федосовым полной научной публикации «Дневника» на русском языке трудно переоценить. В течение 2000–2009 гг. вышли в свет четыре тома, главным образом охватывающие период в более чем три десятилетия: от событий русско-польской войны 1654–1667 гг. до отстранения от власти царицы Софьи в 1689 г.²

Увидевший недавно свет четвертый том «Дневника» — ценный источник не только по истории России. Как и предыдущие тома, он содержит немало сведений и по истории Украины и украинского казачества, включая подробности службы русского гарнизона в Киеве, деятельности правобережного казачества в 1684–1685 гг., важные

сведения о частной жизни гетмана Ивана Самойловича Самойловича, его смещении в 1687 г., участии Войска Запорожского в Крымских походах.

П. Гордон — достаточно внимательный наблюдатель. Но не ко всем его свидетельствам можно относиться с доверием. Так, например, его сообщение, что в 1685 г. Россия двинула полки в сторону Крыма и Дона, чтобы «ублажить или ввести в заблуждение» бывшего в Москве австрийского посла, который должен был поверить, что «будет предпринята сильная диверсия против татар»³, не вписывается в политику России в отношении Австрии⁴ и не находит подтверждения в известных дипломатических документах⁵. По-видимому, в данном случае Гордон стал жертвой непроверенных слухов, доходивших в Киев из Москвы.

Положительной оценки заслуживают комментарии к очередной части «Дневника», более обширные по сравнению с предыдущими тремя томами. Вместе с тем, к некоторым из них представляется возможным сделать несколько уточняющих замечаний.

Топоним «Valuka», переданный Д. Г. Федосовым как Валки⁶ (видимо, имелся в виду город на Слободской Украине), скорее всего, означает Валуйку или Валуйки — пограничный город на южных рубежах России (ныне в Белгородской области). Недалеко от него и проходил в XVII в. ежегодный «размен» с крымскими татарами и выплата им «казны», о чем упоминает Гордон. Ежи Доминик Довмонт не был первым польским резидентом в России⁷, первым был Павел Михал Свицерский в 1670-е гг.⁸ Корреспонденты Гордона «Звейковские» вовсе не состояли на службе Речи Посполитой, как предполагает Д. Г. Федосов⁹. Речь идет о влиятельных представителях смоленской шляхты, братьях Денисе и Владимире Повалов-Швейковских (Швейковских), дослужившихся к 1680-м гг. до генеральских званий¹⁰. Гордон упоминает (записи за 1685 г.) некоего «гетмана Гоголя»¹¹, под которым публикатор подразумевает гетмана Остапа Гоголя¹², однако тот умер еще в 1679 г.¹³ Вообще историкам неизвестен в 1680-х гг. гетман правобережных казаков с такой фамилией, поэтому, скорее всего, Гордон ошибся.

Следовало бы уточнить, что «татары-липканы» (правильнее «татары-липки»), которые, согласно сообщению Гордона, делали из Каменца-Подольского набеги на окрестности, это не просто литовские татары¹⁴, а те из них, которые переселились на Украину (в Подолию, на Волынь и т. д.) и частью перешли на османскую сторону с началом польско-турецкой войны 1672–1676 гг. Сам термин

«липки» по отношению к литовским татарам укоренился в польском языке как раз после этой войны¹⁵, причем так называли первоначально именно «изменивших» Речи Посполитой татар. Они входили в том числе и в гарнизон Каменца-Подольского вплоть до его возвращения Речи Посполитой в 1699 г.¹⁶

Кристоф фон Кохен стал постоянным шведским представителем в России только со второй половины 1685 г. (а не с 1683 г.¹⁷), а до этого приезжал в Москву с конкретными дипломатическими миссиями в 1683 и начале 1685 гг. Указанная Д. Г. Федосовым дата заключения русско-польского Вечного мира — 21 апреля (1 мая) 1686 г.¹⁸ — не совсем корректна. Ее появление в исторической литературе связано, по всей видимости, с фундаментальным трудом С. М. Соловьева¹⁹. На самом деле к этому дню было согласовано содержание трактата, а его вычитка и сверка польского и российского текстов заняла еще несколько дней. Торжественный обмен грамотами, присяга царей Ивана и Петра, а также польско-литовских послов, что и означало заключение Вечного мира, состоялись 26 апреля (6 мая) 1686 г.²⁰

Можно было бы также отметить в комментариях, что имеретинский князь, упоминаемый Гордоном в одном из писем²¹, — это царь Арчил II, прибывший в Москву вместе с семьей в 1685 г.²², а «Войкович, генеральный судья казаков»²³ — это Михаил Вуяхевич (Вуяхевич-Высочинский), занимавший должность генерального судьи Войска Запорожского в 1683–1691 гг.²⁴

По уже сложившейся традиции, Д. Г. Федосов сопровождает издание четвертого тома дневниковых записей Гордона не только подробными комментариями, но и сопроводительной статьей, где в контексте основных событий русской истории описывается очередной этап жизни «русского шотландца»²⁵. Характеризуя международную обстановку в Восточной Европе конца 1670–1680-х гг., автор излагает борьбу Польши и России слишком сжато, так, что у читателя может сложиться впечатление, будто польско-турецкая война длилась от захвата турками у Речи Посполитой Подолии до победы под Веной и далее²⁶. Между тем, в 1676 г. Речь Посполитая и Порты заключили мир, возобновив борьбу лишь в 1683 г. Именно это и позволило сторонам сосредоточить все усилия на взятии Чигирина и вытеснении России с Правобережья Днепра.

Не совсем понятно утверждение автора, что Киев был «неизвестан Европой за царем»²⁷. Думается, проблема эта мало интересна странам Европы, кроме государств — соседей России и Польши. Не ясно и то, в какой международно-правовой форме могло это проис-

ние состояться. Однако если связать его с вопросами титулования монархов во взаимной переписке, то император Леопольд I и даже папа римский именовали царей Ивана и Петра «киевскими» и «смоленскими» еще до заключения Вечного мира с Польшей в 1686 г.²⁸ Подобным образом должны были поступать и шведский король или бранденбургский курфюрст, поскольку неизменным условием принятия в Москве их грамот было употребление в них полного царского титула так, как великие государи «сами себя описуют». Лишь с Речью Посполитой Россия в 1667 г. договорилась использовать титулы царя и короля в краткой форме, до окончательного урегулирования территориальных вопросов.

Можно поспорить и с утверждением Д. Г. Федосова, «смело» предполагающего, что Гордон «сыграл не последнюю роль в повороте от векового русско-польского противостояния к “Вечному миру” 1686 г.»²⁹. К заключению мирного договора вместо продлевавшегося с 1667 г. перемирия стороны шли не один год, ведя соответствующие переговоры и до того, как В. В. Голицын взял в свои руки руководство внешней политикой России. Царское правительство неизменно настаивало на сохранении полученных Россией по Андрусовскому перемирию 1667 г. земель, включая и Киев, поэтому заключение Вечного мира было обусловлено в равной, если не в большей степени готовностью Речи Посполитой пойти на уступки. Позиция же русской дипломатии относительно вступления в антиосманский союз с Речью Посполитой (вошел составной частью в русско-польский трактат 1686 г. и, вопреки утверждениям Д. Г. Федосова³⁰, не предусматривал союзных отношений России с Австрией) определялась множеством факторов, и в первую очередь международной ситуацией в Европе и соотношением сил соперничавших за власть боярских группировок. Представляется, что мнение Гордона было в данном случае второстепенным. И хотя Голицын ценил его как военного эксперта, обсуждая с Гордоном планы союза с Польшей и войны с Крымом в явare 1684 г., однако шотландец, если верить его «Дневнику», представил доклад, содержащий доводы как «за», так и «против» данной концепции, высказываясь в то же время скорее за войну, нежели за мир³¹. Подобная осторожная позиция Гордона была обусловлена, по-видимому, его нежеланием втягиваться в дискуссии касательно внешней политики России, тесно связанные с борьбой за власть в правящих кругах русского государства. Сообщение Гордона, что Голицын «казался не слишком склонен» к союзу с Речью Посполитой в силу недоверия к полякам и трудного поло-

жения Австрии³², могло иметь вполне конкретные основания — не устраивавшие русскую дипломатию предложения союза, сделанные осенью 1683 г. польским дипломатом Яном Окрасой, и слабые надежды на то, что удастся достичь взаимоприемлемого соглашения на начинавшихся русско-польских переговорах в Андрусово, которым русский канцлер отводил важную роль в своей политике³³. Попытки Гордона «смягчить», по его выражению, позицию Голицына в отношении Речи Посполитой³⁴ едва ли имели практическое значение. «Посольских дел оберегатель» проводил вполне последовательную и продуманную политику в польском вопросе, в нюансы которой шотландец вряд ли был посвящен.

При описании киевского периода службы Гордона можно было бы также обратить внимание на опубликованную царскую грамоту 1681 г. киевскому воеводе Ивану Федоровичу Волынскому. В ней предписывалось объявить генерал-майору Гордону и всем солдатам и офицерам киевского гарнизона о запрете чинить «обиду и тесноту» Киево-Печерскому монастырю, вторгаться в монастырские угодья или наносить обители другие убытки³⁵. Как старший офицер киевского гарнизона шотландец вынужден был нести ответственность за действия своих подчиненных, хотя сам он, как известно, находился с братией Печерской обители в неплохих отношениях³⁶.

Выход очередного тома «Дневника» Патрика Гордона — хороший повод лишний раз обратиться к биографии знаменитого «русского шотландца» и некоторым связанным с ней обстоятельствам, которые касаются его службы в Киеве. Они позволяют нам полнее представить обстановку, в которой он жил и действовал. На службу в Киев П. Гордон был назначен в октябре 1678 г. по просьбе гетмана И. Самойловича³⁷. К сожалению, «Дневник», повествующий о значительном периоде киевской службы Гордона, не сохранился. Изданный Д. Г. Федосовым четвертый том охватывает лишь два года (1684–1685 гг.) его пребывания в Киеве³⁸.

После ожесточенных боев за Чигирин борьба с турками и татарами за Украину отнюдь не закончилась. Более того, в Москве и Батурине (ставка гетмана Войска Запорожского) в 1679–1680 гг. ожидали масштабного похода османов на бывшую столицу Древней Руси. «Все выходцы и утеклецы и иные всякие, сколько их с турецкой земли не приходило, люди нарочитые, языки, слово в слово о том сказывают, что в два те лета (т. е. в 1679 и 1680 г. — К. К.) турецкой салтан готовился во всякие готовности в великие войска и во многие воинские запасы, [и что] на будущее лето под Киев сам особую свою

будет», — резюмировал гетман Самойлович настроения русских и украинских правящих кругов в своем письме в Москву от 25 сентября 1680 г.³⁹, когда опасность уже миновала. В связи с ожидаемым появлением турок и татар под Киевом Самойлович поставил перед русским правительством вопрос об укреплении города и участии в этом П. Гордона. «Он, Петр, к осадному времени в Киеве zelo надобен», — убеждал гетман московское правительство⁴⁰. Русское правительство вяло просьбе Самойловича. Гордон был направлен на службу в Киев и сыграл крупную роль в обновлении старых и строительстве новых укреплений города⁴¹.

Исследователям давно известны документы, освещающие предложения П. Гордона по усилению киевского гарнизона и укреплению обороны города, а также их реализацию русским правительством. В частности, в ноябре 1678 г. было принято решение выслать в Киев шесть пушек «верховых», гранаты к ним, а также другие боеприпасы и необходимые для осадных работ орудия (кирки, молоты и др.)⁴². Пушки, ядра и ручные гранаты, необходимые в Киеве согласно росписи Гордона, были отправлены туда в феврале 1679 г. из Москвы и с тульских и каширских заводов Христиана Марселиса с головой московских стрельцов Афанасием Козловым и стрелецким сотником Степаном Игнатовым. Последний, впрочем, сообщил в марте 1679 г., что «гранаты разных статей к киевскому отпуску во Брянск подъял», а «прутовое» железо (200 пудов), 50 молотов и 1 тыс. кирок «на подводы не подъял, потому что под те припасы подвод ямских и сошных не достало». В апреле из Малороссийского приказа направили соответствующую «память» в Разрядный, откуда тульскому воеводе князю Перфилию Шаховскому была послана грамота с указанием отправить все «с кем пригоже на ямских и сошных подводах тотчас», чтобы успеть погрузить на струги, которые должны были выйти из Брянска в Киев с другими «воинскими припасы». В противном случае воевода должен был обеспечить доставку груза из Тулы в Киев «на своих подводах». Вскоре Шаховской рапортовал, что отправил кирки, молоты и железо в Брянск после «полой воды», куда их доставил тульский подъячий Гаврила Пахомов. Водным путем по Десне груз сопровождал брянский целовальник и пушкарь Лука Дроконов. Однако в Киеве обнаружилась недостача — 12,5 пудов прутового железа и 13 кирок. В связи с тем, что в октябре 1679 г. от имени Х. Марселиса в Малороссийский приказ была подана челобитная об оплате отпущенного с его заводов товара, думный дяк Ларион Иванов распорядился (в январе 1680 г.) «доправить» (взыскать) раз-

ницу на подъячих тульской съезжей избы — Никите Романове (получал кирки и молоты на каширском заводе) и Григории Бабкине (получал железо на тульском заводе), поскольку к челобитной прилагались расписки подъячих в получении всех изделий сполна⁴³. Этот эпизод позволяет заключить, что русская военно-бюрократическая машина, реализуя предложения Гордона, работала в целом эффективно, хотя и не без сбоев.

Среди тех «начальных людей», которые, по мнению Гордона, были «надобны в Киеве», значился подполковник Юрий (Джорджио) Степанович Лима⁴⁴, участник обороны Чигирина⁴⁵. Лима — «подкопного дела мастер» — действительно был послан в Киев в составе полка Гордона (соответствующий указ датирован декабрем 1678 г.). 16 ноября 1679 г. он «бил челом» в разрядной избе Киева, что за время своей службы в городе «зделал [...] около Киева» 25 подкопов. «И которые де государь к тому подкопному делу снасти были все переломаны и перепорчены и таких снастей в Киеве добыть невозможно, — пересказывал просьбу Лимы киевский воевода Никита Семенович Урусов в своей грамоте на имя царя, — а на Москве, кроме ево Юрья, таких подкопных снастей добыть некому». «Для (приобретения. — К. К.) подкопных снастей» сослуживец Гордона был отпущен в Москву на два месяца осенью 1679 г., где заодно и «бил челом» о выплате жалованья⁴⁶. Гордон поддерживал отношения с Лимой и после окончания службы в Киеве, о чем свидетельствует четвертый том его дневника⁴⁷.

Однако не только заслуженные мастера-иноземцы помогали П. Гордону готовить Киев к обороне от возможного нашествия османских полчищ. «По росписи» шотландца в Киев были посланы на службу «для огнестрельного и гранатного дела гранатчики» из Пушкарского приказа — Никифор Михеев с товарищами. Ранее они были на государственной службе при осаде Соловецкого монастыря, на Дону во время подавления разинского восстания, при обороне Чигирина⁴⁸.

Работа Патрика Гордона удостоилась высоких похвал украинского гетмана. В грамоте на царское имя от 12 сентября 1679 г. гетман И. Самойлович отмечал следующее: «Около делания крепостей, около верхнего города киевского хотя прошлых лет немало было чрез ваших великого государя вашего царского величества ратных там будучих людей учиненных трудов, однако ж все то дело к потребе и ко обороне не показалос, а то с тех мер, что совершенного и разсмотрительного инженерского не было строительства. А нынеш-

него лета за нашим с вашими великого государя з бояры и воеводы под Киев прибытием, егда *совершенный в том деле строитель ваш генерал маеор Петр Гордан поделку и починку городовым крепостям прилежно почел исправляти, тогда есть на что посмотреть очима и сердцем надеятся* (курсив мой. — К. К.), не так как прежде. Пристойных мест к стрельбе ис пушек и ко утверждению людей к стрельянию из мушкетов не было к бою, но ныне во всем пригоже и надежно валы обчищены, на воинах новые бои и широкие рвы поделаны и пристойные раскатцы и где належало выводы построены. Хотя еще то дело в некоторых местех в достаточное дело не приведено, о котором совершенстве радеют тамошние сиделцы, однако ж за такое доброе основание, на каком не вотще ратных ваших государских людей положишася трудно, достоин есть он генерал маеор Петр Гордан доброй похвалы, на которого генерала маеора и на начальных при нем пребывающих людей дабы милосердное от веле лепоты вашей монаршеской было призрение, о сем я яко наипокорне к ногам пресветлого престолу упадая, челом бью»⁴⁹.

Труды по укреплению Киева П. Гордона и других служилых иноземцев, направленных туда «по наряду из Ыноземского приказу» (т. е., видимо, по росписи шотландца), были отмечены и русским правительством. Ранее тем из них, кто в 1678 г. участвовал в обороне Чигирина, было выдано государево жалованье «сверх годовых окладов на месяц» с условием, что эта сумма будет вычтена из жалованья будущего года. Однако теперь «за их службы» решено было «у них не вычитат» («а впред им и иным то не во образец», — отмечалось в указе). Более того, первоначально служилым иноземцам, направленным на службу в Киев, было решено выдавать жалованье 2/3 деньгами и 1/3 соболями. Однако 15 декабря 1679 г. великий государь Федор Алексеевич «пожаловал генерала маеора Петра Гордона с начальными людьми за их службу и за городовую киевскую работу», велев выплатить им все жалованье деньгами⁵⁰.

Несмотря на то, что турки под Киевом в 1679 г. не появились, И. Самойлович выражал опасения, что в следующем году это случится обязательно. В связи с этим с новыми предложениями гетмана (составленными, возможно, не без учета мнения П. Гордона) по обороне Киева от турок в начале 1680 г. в Москву прибыл войсковой товарищ И. С. Мазепа⁵¹. Во врученной им русскому правительству обширной инструкции гетман возражал против высказывавшихся, видимо, кем-то из русских военачальников предложений не оборонять Киево-Печерский монастырь, а сосредоточиться на защите самого

Киева или даже только верхнего города. Самойлович, впрочем, признавал разумность приведенных аргументов, убедившись в этом во время своей поездки в город и его окрестности в 1679 г. «В прошлом году, — писал гетман, — будучи под Киевым, рассуждали есмы, смотря по войску и по расположению тамошнем неровном боярачном. Вижу, что было б невозможно боронить всего, как Печерского монастыря, так и нижнего города киевского, есть ли бы пришли было силы турецкие, и то для того, что от берега из-за монастыря Печерского почавши, тем полем вести обоз даже по за нижним городом киевском к другому берегу днепровому, будет того места полем по бояракам и по горам пять верст и болши, розтягнувши тогда тол тонко войска и малоллюдно, а долго, нелзя б одному другому подавать помощи за пять верст, наипаче ж пешим». Соглашаясь с тем, что на пересеченной местности было бы невозможно удерживать сплошную линию обороны между монастырем и городом, Самойлович, тем не менее, замечал, что «оставить паки Печерский монастырь для мощей святых божиих и для церкви чюдотворной неудобно, также и нижнего города оставить без обороны невозможно, и оставив нижней город, и верхнему было б опасно, понеже неприятель, усмотрив одно место, туды все свои силы скоро обратил бы, едино ж мало время много зла учинит».

Кроме того, возражения гетмана вызвали предложения «некоторых людей», как он их именовал, не оборонять подступы к Киеву, а сразу после появления противника сосредоточиться на защите городских стен («против верхнего киевского города от поля, се есть против Златых ворот и против горы от Лыбеди, войска против той стены не надобно ставить за городом, как по иным местам, уповаючи на городовую стену»). Самойлович считал, что это только ускорит взятие киевской крепости османами, в осадном искусстве которых гетман имел возможность лично убедиться в ходе недавней обороны Чигирина. Он уверял царское правительство, что если бы турки, «пришед, то место застали порозжее, то хотя б нас по обоим сторонам, почав от Печерского монастыря и против нижнего городу киевского по сту тысячь было, однако б зело было опасно, и для того тот неприятель весь свой промысл там чинит и силу свою оборочает издавна где б ему место, хотя на несколько сажен усмотрит порозже, которым возможно б ему притти шанцами под крепость, а из шанцов тотчас колко похочет, толко и подкопов поведет, чем всегда на всех войнах, наипачеж под крепостями славен, и немного ему времени надобно к строению шанцов, в одном часу все зделает, такова

их есть прилежность». А «когда же утвердит шанцы, — продолжал Самойлович, — то трудно уж будет его из них выбить, потому что и одиножды негде ступить ногою одному человеку поверх шанцов, через вымышленные его в шанцах хитрости». Поэтому, считал гетман, против такого опасного врага необходимо сосредоточить все силы, чтобы «ему никакова приступу к стене не было, а хотя мало приступит к стене городовою и положит шанцы, то уже никоими мерами невозможно там одержаться, для его тяжких и нешадных подкопных и пороховых промыслов». Также гетман опасался, что турки, «ведаючи совершенно все места около Киева» и отдавая себе отчет в значении Днепра для его обороны, могут перекрыть осажденным Днепр «меж Киевом и Вышгородом», блокировав подвоз запасов из Брянска, «что нетрудно, не дай Боже, учинил бы, понеже на несколько частей розно разделился, ибо из острова на остров, как захотел бы [неприятель], мосты живые (временные? — К. К.) поделал бы, и на тех островах городки поделавши». Тем не менее, предполагая, что под Киев османы пришлют еще большее войско, чем под Чигирин (где турецкая армия превосходила по численности русско-украинскую армию, по его мнению, вдвое), Самойлович считал, что царские войска должны в любом случае, «оставив остров, толко городов верхнего и нижнего и Печерского монастыря беречь и боронить»⁵².

Впрочем, если бы под Киев было прислано достаточное количество войск, гетман полагал возможным организовать «пляцовые сторожи», не только там, где османы могли прорваться к стенам, но и на днепровских островах. Самойлович предлагал, чтобы «пляцовые сторожи», располагаясь «по уреченным местам, в таборе, крепки были, и на тех местах люди выборные всегда к бою готовы и дерзостны по несколько тысящ пребывали, чтоб одне других видя, стояли, и вовремя нужного надобья от неприятелского нашествия, что б друг другу пособствовали, покамест все войско не устроитца и неприятелю где лучитца, на каком месте учинит отпор». Гетман считал нужным «у моста також нехудую надобно держать всегда сторожу, но выборных людей посадить со всякими их запасы и с пушками, так и з сей стороны, как и о середине, что б неотступно и непременно стерегли, чтоб нигде ничего неприятелю не пустили»⁵³.

В связи с этим Самойлович констатировал, что «зело есть потребное дело добрых и искусных имети инженеров, которые чинили б поткопы, противные неприятелским, и оныя пренимали». Гетман напоминал русскому правительству о продолжительной Кандийской войне 1645–1669 гг., в которой «венесыяне» смогли противостоять

столь длительное время османским полчищам, потому что «с искусными в ынженерстве людми и с снаряды к тому делу належащими непрестанно против турецких войск хитрых подкопных промыслов употребляли, что безчисленное множество неприятелей тем способом погибло, которого дела самовидцов при себе имеем много». Возможно, одним из участников Кандийской войны был уже упоминавшийся венецианец Ю. Лима. Кроме инженеров, гетман настаивал на присылке в Киев «искусных гранатчиков» «со многими гранаты», которые особенно необходимы для уничтожения турок в шанцах. В связи с тем, что для этого необходимо много пороху, готовых гранат и гранатных мастеров, Мазепа должен был просить великого государя «сыскать» мастеров сколько возможно, а также «пороху и гранатов довольно приготовить и людей к ним (к гранатным мастерам. — К. К.) придать» около 2 тыс. человек, которые расположатся под Киевом «для денной и ночной сторожи», а также будут «землю копать и выносить», поскольку солдатам найдется работа и без этого⁵⁴.

1 марта 1680 г. в царской передней гетманская инструкция обсуждалась на заседании Боярской думы. По царскому указу реализация предложений гетмана по укреплению Киево-Печерского монастыря, системы обороны Киева, включая верхний и нижний «города», постройке «мостовых крепостей» (видимо, остроги, которые должны были защищать входы на мост через Днепр) возлагалась на гетмана, а также царских бояр и воевод: «о валовом деле и о стоянье от Печерского монастыря по Днепр и по нижней город [...], положит то все на бояр и воевод и на гетмана, и что ко укреплению надобно и где плцовые полки ставити и какие крепости чинить, то учинят бояры и воеводы и гетман [...], и о мостовых крепостях учинят бояры и воеводы». Инженеров и гранатчиков, порох и гранаты решено было послать в составе полков бояр и воевод, придав им и работных людей для возведения укреплений. Войск в этом году решили направить под Киев вдвое больше прежнего, что должно было также и увеличить число рабочих рук на строительстве укреплений: «в пре(д) идущее лето з бояры и воеводы быть обеим половинам, а не половине»⁵⁵. В марте гетман буквально бомбардировал русское правительство грамотами с просьбами ускорить подготовку Киева к обороне. 13-го числа, пересылая в Москву очередные вести про скорый приход османов под Киев, он призывал Федора Алексеевича послать свои войска «под тот отчины вашей государской град» как можно скорее⁵⁶. В грамоте от 18 марта Самойлович сообщал, что бывший в Киеве генеральный бунчужный Леонтий

Полуботок доложил ему, что «велими много надобно для обороны того городу лесу [...], смолы» и т. д., прося прислать все необходимое поскорее⁵⁷. Вскоре после этого распоряжения о подготовке Киева к обороне были направлены киевскому воеводе Ивану Большому Севастьяновичу Хитрову, которому «на оборону лес и всякие к воинскому устроению потребы» было велено готовить «с великим радением и с поспешением». Об этом гетману сообщалось в ответной царской грамоте от 31 марта 1680 г.⁵⁸

Итоги масштабных двухлетних работ, которые, судя по всему, в 1680 г. интенсифицировали, были подведены в подробной описи киевских укреплений, составленной осенью 1680 г.⁵⁹ Помимо П. Гордона немалую роль в разработке общего плана обороны города сыграл и гетман И. Самойлович, сумевший по достоинству оценить умения и опыт «русского шотландца». Ранее заслуги гетмана сводились лишь к укреплению Киево-Печерского монастыря⁶⁰.

Патрик Гордон был известен своей ревностной приверженностью католицизму. Именно он сыграл важную роль в появлении в Москве католического костела⁶¹. Не забывал шотландец о спасении души и во время службы в Киеве. 15 сентября 1680 г. киевский полковник Константин Солонина сообщал гетману о прибытии в Киев католического священника из Коростышева (местечко недалеко от Житомира), которого пригласил «генерал-немчин католицкой веры с ыными» служилыми иноземцами. Генерал, в котором нетрудно узнать П. Гордона, и его единоверцы писали ксендзу, «чтоб приехал для слушания исповеди и для причащения»⁶².

Вышеприведенные данные об оборонительных работах в Киеве, планах по его укреплению и участию в них П. Гордона расширяют наши знания об одном из интереснейших этапов службы русского шотландца в период, за который соответствующий том «Дневника» (за 1679–1683 гг.) не сохранился. Гордон сыграл важную роль в повышении эффективности тех усилий, которые Россия и Украина затратили в 1679–1680 гг. на укрепление «матери городов русских». Весьма вероятно, что готовя свои предложения по обороне города, советами Гордона воспользовался и гетман И. Самойлович.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Федосов Д. Г. Летопись русского шотландца // Гордон П. Дневник. 1635–1659. М., 2000. С. 234–243.

- 2 Гордон П. Дневник. 1635–1659; 1659–1667. М., 2003; 1677–1678. М., 2005; 1684–1689. М., 2009.
- 3 Гордон П. Дневник. 1684–1689. С. 69.
- 4 Русская дипломатия как раз давала понять австрийской стороне, что без договора о союзе и Вечном мире с Речью Посполитой никаких действий на крымско-турецком направлении Россия предпринимать не будет. В связи с этим и какие-то военные демонстрации были ни к чему, и В. В. Голицын прямо отказал в этом послам императора в 1684 г. См.: Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 274–279.
- 5 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1862. Т. 6. Стб. 868–993. Единственный австрийский дипломат — Иоганн Курц, побывавший в Москве в 1685 г., имел статус гонца.
- 6 Гордон П. Дневник. 1684–1689. С. 78, 285.
- 7 Там же. С. 160, 304.
- 8 См. напр.: Ковальский Н. П. Деятельность русской дипломатии в 70–80-х годах XVII века по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепрпетровск, 1968. С. 162.
- 9 Гордон П. Дневник. 1684–1689. С. 161, 304.
- 10 Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 94.
- 11 Гордон П. Дневник. 1684–1689. С. 46.
- 12 Там же. С. 280.
- 13 См., напр.: Крикун М. Остап Гоголь — гетьман козацтва Правобережної України // Він же. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 328.
- 14 Гордон П. Дневник. 1684–1689. С. 170, 305.
- 15 Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej // Rocznik tatarski. Warszawa, 1938. Т. 3. С. 3.
- 16 Ibid. С. 31.
- 17 Гордон П. Дневник. 1684–1689. С. 299.
- 18 Там же. С. 312.
- 19 Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. 7. С. 363.
- 20 Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия... С. 363–364.
- 21 Гордон П. Дневник. 1684–1689. С. 231.
- 22 См. об этом подробно: Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974–1979. Ч. 1–2.

- 23 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 166.
- 24 См., напр.: Українське козацтво: Мала енциклопедія. Київ; Запоріжжя, 2006. С. 103.
- 25 *Федосов Д. Г.* От Киева до Преображенского // *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 232–266.
- 26 Там же. С. 234.
- 27 Там же.
- 28 См., напр.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия... С. 245.
- 29 *Федосов Д. Г.* От Киева... С. 238. Автор опирается на мнение Н. Г. Устрялова, считавшего, что «ничто не могло быть основательнее мнения Гордона при тогдашних обстоятельствах» (*Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. Т. 1. С. 134).
- 30 *Федосов Д. Г.* От Киева... С. 255.
- 31 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 7–11. Помимо Н. Г. Устрялова (*Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого... С. 129–134), значительное внимание записке П. Гордона уделил также А. Брикнер, посчитавший, что шотландский генерал на русской службе «проповедовал войну» (*Брикнер А.* Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С. 45–48, 162).
- 32 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 6.
- 33 *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия... С. 159–215, 259–264.
- 34 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 6.
- 35 Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 9. С. 185–186.
- 36 *Федосов Д. Г.* От Киева... С. 237, 239.
- 37 *Гордон П.* Дневник. 1677–1678. С. 115–117.
- 38 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 6–85.
- 39 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 25–27. Многочисленные выходцы из турецкого плена, приезжавшие из османских земель купцы и другие лица действительно сообщали о подготовке удара османов на Киев, сначала в 1679, а затем в 1680 г. Десятки таких сообщений отложились в фондах Малороссийских дел Посольского приказа (124) и Малороссийского приказа (229). По всей видимости, демонстрацией военных приготовлений османы пытались склонить Россию к мирным переговорам и уступкам в свою пользу.
- 40 *Гордон П.* Дневник. 1677–1678. С. 116.
- 41 *Алферова Г. В., Харламов В. А.* Киев во второй половине XVII века. Киев, 1982. С. 16, 125–133.

- 42 Последнюю публикацию см.: *Гордон П.* Дневник. 1677–1678. С. 117–123.
- 43 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 42–49. По причине малолетства Х. Марселеса, которому в 1680 г. было только шесть лет, делами его заводов занимался А. Бутенант (*Дёмкин А. В.* Марселесы // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 493).
- 44 *Гордон П.* Дневник. 1677–1678. С. 123.
- 45 Там же. С. 74, 84.
- 46 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 24–30. См. также: *Алферова Г. В., Харламов В. А.* Киев во второй половине XVII века. С. 130.
- 47 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 166.
- 48 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 74–78. Первоначально в Киев были посланы 10 гранатчиков во главе с Н. Михеевым, в декабре 1679 г. они были отпущены в Москву. Второй раз русские гранатчики (Н. Михеев, Сергей Мартынов, Кирилл Галкин, Максим Климов) и четверо их учеников отправились в Киев в марте 1680 г.
- 49 Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 39–41об.
- 50 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 30–33. Мотивировка этого решения была следующей: «а соболей не посылать для того, чтоб им, будучи на его государеве службе в Киеве и в иных малороссийских городех, хлебные и всякие запасы и конского корму вперед в запас искупит до приходу ратных людей к Киеву».
- 51 И. С. Самойлович — царю Федору Алексеевичу. 12 февраля 1680 г., Батуриин // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 143–147. И. С. Мазепа въехал в русскую столицу 27 февраля.
- 52 Там же. Л. 160–166.
- 53 Там же. Л. 170–172.
- 54 Там же. Л. 175–176.
- 55 Там же. Л. 68–69.
- 56 Там же. Л. 148–155.
- 57 Там же. Л. 132–136.
- 58 Там же. Л. 138–142.
- 59 *Алферова Г. В., Харламов В. А.* Киев во второй половине XVII века. С. 129–132.
- 60 Там же. С. 62–63. См. также: *Заруба В. М.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2003. С. 327.
- 61 *Федосов Д. Г.* От Киева... С. 255.
- 62 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 35.

Kochegarov C. A.

General Patrick Gordon and Hetman Ivan Samoilovich in 1679–1680.
(A Note on the Publication
of the Next Volume of “Diary” of P. Gordon)

There is additional information on the relations between P. Gordon and Ukrainian Hetman I. Samoilovich and on the service of that Scotch officer in Kiev.

Key words: *Patric Gordon, Ivan Samoilovich, Kiev, Ottoman Empire.*